

р 83
к 89
А-379346

Валерий Кузнецов
Аксаковские хроники

Очерки русской словесности

Op 83
K 89

Op 83.31

83.3(2-411.2)52-8 Аксаков С.Т.

Валерий Кузнецов

Аксаковские хроники

Очерки русской словесности

224

✓
Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

а - 349346

кр

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Как часто в серьёзных делах мы обязаны случаю! Когда-то, давно, в советскую эпоху — в 1970 году в Оренбургскую писательскую организацию пришло письмо Председателя правления Союза писателей России, автора Гимна Советского Союза и книг для детей Сергея Владимировича Михалкова. В письме рекомендовалось обследовать литературные места Оренбуржья. На слуху к таковым относились «аксаковские места». И в писательскую командировку в село Аксаково, что под Бугурусланом, выпало отправиться мне, студенту-заочнику Литературного института им. А. М. Горького, тогда ещё, по своей первой профессии топографа, лёгкому на подъём.

По тем временам, как и большинство моих ровесников, из аксаковского наследия я знал только пришедшую из детства сказку «Аленький цветочек». Надо сказать, многие из нас, рождённых в сороковых, прошли извечный путь «российских мальчиков» — окольный путь по западным дорогам сознания. Мало кого из нашего поколения, входившего в жизнь, обошёл тогдашний бум западной литературы. Для примера, тираж четырёхтомника «модного» Эрнеста Хемингуэя был невообразимый для сегодняшних дней: 200 тысяч экземпляров, «Рассказы» одного из его учителей Шервуда Андерсона — 150 тысяч, книга прозы Генриха Бёлля «Долина грохочущих копыт» — 100 тысяч.

Не обойтись без объяснения собирательной фразы «многие из нас». В начале 60-х годов группа студентов оренбургских вузов, молодых рабочих, служащих, школьников-старшеклассников литературно объединилась под крышей редакции областной молодёжной газеты «Комсомольское Племя». До этого каждый, как мог, сам искал свои тропки к литературе и жизни в «отрицательном вакууме», оставленном идеологическим официозом.

Свидетельством времени до сих пор на книжной полке —

едва ли не первые «неформальные» учителя нашей юности: Бодлер, Верлен, Тувим, Ивашкевич, Превьер, Лорка, Рильке, Фрост — их творчество вошло в популярную тогда многотиражную (50—100 тысяч экз.) серию «Стихи зарубежных поэтов». То же можно сказать и о прозе: Ремарк, Хемингуэй, Сэлинджер, Бёль... Поклон памяти их всех, отодвинувших наши личные горизонты, заставивших увидеть мир и слово в неведомых дотоле отношениях. Не оброну упрёка в их сторону, и всё же занимались мы в то время пусть и талантливым, но второстепенным. До простой, кажется, лежащей наверху мысли, что для русского литератора главное во все времена — это судьбы его народа и его земли, предстояло ещё дорасти, «дострадаться».

Не давала выходов из тупиков поразившая было вначале и шумевшая в положенных рамках эстрадная поэзия с главными её выразителями — хранителями революционных заветов Окуджавой, Евтушенко, Вознесенским, Рождественским. Душа требовала простоты самовыражения, философски здорового, непосредственного общения с действительностью. Как не хватало в те годы современного поэтического Аввакума с громко-державным талантом — шло уничтожение «неперспективных» деревень — сельской России, издревле кормившей не только отчество, но и полмира. Мало ещё кому известный, тихо строил свою вселенную русский поэт из вологодских весей Николай Рубцов.

Прочитанный перед командировкой за один присест аксаковский четырёхтомник «С. Т. Аксаков», вышедший в 1955-1956 годах, был необыкновенным изданием. Автор предисловия к нему, профессор кафедры русской литературы Литературного института им. А. М. Горького, где я тогда учился, С. И. Машинский писал: «Трудно найти другого крупного писателя XIX века, творчество которого было бы изучено так недостаточно. Его литературное наследство не собрано, многие произведения, затерянные в современных ему изданиях, не выявлены; не учтены и те произведения, которые не были опубликованы при жизни автора и до сих пор остаются достоянием архивов».

Тираж четырёхтомника — 150 тысяч, громадный для наших

дней, был, конечно, мал для советских читателей, по тем временам, действительно, в «самой читающей стране». Скорей всего, малым оказался бы и миллионный тираж. После почти четырёх десятилетий советской власти это было первым изданием «патриарха русской литературы» С. Т. Аксакова. Скромно оформленные зелёные тома с тиснением на обложке, объединённые главным действующим лицом: непохожим ни на кого подростком Серёжей Багровым, потом восторженным юношей, потом зрелым мастером, стали для меня, пристрастного читателя, художественным и жизненным откровением...

Зная детские истоки этой личности, легче было проследить эволюцию, творческое повзросление Серёжи до писательского феномена Сергея Тимофеевича Аксакова с его театральными и литературными воспоминаниями, его трогательно-бережными, родственными по глубине чувствами к Николаю Васильевичу Гоголю — основой одних из самых глубоких, на мой взгляд, мемуаров «История моего знакомства с Гоголем».

В 1970 году в Южно-Уральском книжном издательстве вышла третьим изданием книжка литературоведа, краеведа и литературного критика Николая Ефимовича Прянишникова «Писатели — классики в Оренбургском крае», по обращению к русскому классическому наследию довольно смелая для своего времени. Но в очерке «Сергей Тимофеевич Аксаков» говорилось лишь о родовом доме Аксаковых времён детства его главного героя Серёжи Багрова — слишком много неуютных фактов пришлось бы извлечь на свет Божий, чтобы сказать правду о советском периоде мемориальных мест. До постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете Закона СССР и Закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры», выхода феноменального по культурной отдаче альманаха «Памятники Отечества», радикально меняющих идеологическую и культурную оценку дореволюционного прошлого, оставались ещё долгие десять лет...

Очерк Прянишникова не отвечал, да и не мог по цензурным

условиям тех лет ответить на вопрос о послереволюционной судьбе Аксаковского имения: в 1970 году в стране, живущей под лозунгом: «Коммунизм — светлое будущее всего человечества», политически некорректно было бы объявлять миру, что усадьба великого писателя стёрта с лица земли. По устно объявленной цели командировки сделать это предстояло мне, далеко не первому, как узнал позже, участнику аксаковских мемориальных забот.

«Семейную хронику» писатель закончил обращением к действующим лицам, которое звучит для их памяти «охранной грамотой», а для нас, их дальних потомков, духовным завещанием: «Вы не великие герои, не громкие личности; в тишине и неизвестности прошли вы своё земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков... Да не оскорбится же никогда память ваша никаким пристрастным судом, никаким легкомысленным словом!».

Увы, всей самоубийственной практикой двадцатого века потомки доказали, что жизнь великих предшественников может быть и не любопытна, и не поучительна, а скорый суд культурных наследников настолько же пристрастен, насколько легкомыслен. Аксаковский дом, переживший катастрофические двадцатые, тридцатые и военные сороковые годы прошлого века, подготовленный к капитальному ремонту в начале пятидесятых, не устоял в шестьдесят втором году. Идеологи хрущёвской «оттепели», принёсшей немало культурных бед России, подтвердили, что нельзя отрицать духовное содержание культуры лишь «отчасти». По свидетельству Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, в Оренбуржье в 1961–1962 годах, в начале советского освоения космоса, были так же, как и аксаковский дом, разрушены Петропавловская и Никольская церкви в Бузулуке и Орске, молитвенный дом в Оренбурге...

Какую же художественную Атлантиду затопил собою океан

послеоктябрьской литературы, какие славные имена, стоявшие у истоков русского и российского художественного сознания, оказались после революции на десятки лет забытыми?

ЧАСТЬ 1 ВЕЛИКОЕ СЕМЕЙСТВО

УХОЖУ Я В МИР ПРИРОДЫ...

Бывает: далеко от замусоренного и загазованного шоссе, от разрушающих слух индустриальных шумов набредёшь на блистающую клейкими листьями березовую рощицу, на ещё нехоженую в эту весну полянку, сладко рухнешь наземь, навзничь на яркую траву, дашь солнечным пятнам вольно скользить по лицу... И эта полянка с первобытно-прекрасным дыханием молодой травы и листьев, с тенями, лёгким ветром и высокими облаками вдруг покажется тебе образом творчества Аксакова.

Нет в России другого писателя, так полно и мощно, так язычески связанного с природой. Может быть, прошлое, прозревая будущее, готовило нам его слово, как надежду на спасение. И если его современники не расслышали в гармонии его искусства диссонансов, вносимых человеком — «заклятым и торжествующим изменителем лица природы», это нужно учиться делать нам на катастрофически загрязнённой нами планете.

В 1791 году в губернском городе Уфе 20 сентября (1 октября по новому стилю) в семье прокурора Верхнего земского суда Тимофея Степановича Аксакова и дочери помощника оренбургского наместника Марии Николаевны Зубовой родился «крепкий мальчик» — «желанный, прошенный и моленый, он не только отца и мать, но и всех обрадовал своим появлением на белый свет; даже осенний день был тёпел, как летний!..». Это был будущий автор выдающихся в русской и мировой литературе книг «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», записок об охоте и рыбной ловле и другого.

Старинный, «семисотлетний» дворянский род Аксаковых,

С. Т. Аксаков

о чём упоминает хроника, восходит к «знаменитому роду Симона» (по крещении Симона) — племянника норвежского короля, легендарного варяга, выехавшего с дружиной к великому князю Ярославу Владимировичу в Киев в 1027 году. Семейный герб Аксаковых на современный взгляд может показаться наивно-сентиментальным: на увенчанном дворянским шлемом с короною серебряном щите, который придерживают два воина в латах — красное сердце, пронзённое стрелой. Гербу смотрится довольно точной метафорой образа самого писателя с его внешне добродушной неторопливостью и «нервически-пылкой», по словам Гоголя, натурой. На этом аналогии не кончаются, вспомним этот герб, — мы ещё вернёмся к нему.

Своей литературной судьбой С. Т. Аксаков во многом обязан знакомством с великим Державиным под занавес его жизни. На этом полугодовом дружеском общении начинающего театрального критика и декламатора, каким был тогда Сергей Аксаков, с первым поэтом России стоит остановиться.

После Пушкина значение Державина наиболее глубоко оценил Гоголь: «Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов. Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина. Кто бы посмел, кроме его, выразиться так, как выразился он в одном месте о том же своём величественном муже, в ту же минуту, когда он всё уже исполнил, что нужно на земле:

И смерть, как гостью, ожидает,
Крутя задумавшись усы.

Кто, кроме Державина, осмелился бы соединить такое дело, каково ожидание смерти, с таким ничтожным действием, каково кручение усов?»

В своих уникальных по психологическим откровениям воспоминаниях «Знакомство с Державиным» С. Т. Аксаков писал: «...Я благоговейно, но смело вошёл в это святилище русской поэзии. Гаврила Романович сидел на огромном диване, в котором

находилось множество ящиков; перед ним на столе лежали бумаги, в руках у него была аспидная доска (письменная доска из ископаемого серо-чёрного сланца. — В.К.) и грифель, привязанный ниткой к рамке доски; он быстро отбросил её на диван, встал с живостью, протянул мне руку и сказал: «Добро пожаловать, я давно вас жду. Я читал ваши прекрасные стихи (Перевод Филоктета. Державин был плохой судья и чужих, и своих стихов. — С. Т. Аксаков), наслышался, что вы мастерски декламируете, и нетерпеливо хотел с вами познакомиться». Державин был довольно высокого роста, довольно широкого, но сухощавого сложения; на нём был колпак, остатки седых волос небрежно из-под него висели; он был без галстука, в шёлковом зелёном шлафроке, подпоясан такого же цвета шнурком с большими кистями, на ногах у него были туфли; портрет Тончи походил на оригинал, как две капли воды. Я отвечал Державину искренно, что «считаю настоящую минуту счастливейшею минутою моей жизни, и если чтение моё ему понравится...». Он перервал меня, сказавши: «О, я уверен, что понравится; садитесь вот здесь, поближе ко мне», — и он посадил меня на кресло возле самого дивана. «Вы чем-то занимались, не помешал ли я вам?» — «О, нет, я всегда что-нибудь мараю, перебираю старое, чищу и глажу, а нового не пишу ничего. Моё время прошло. Теперь ваше время. Теперь многие пишут славные стихи, такие гладкие, что относительно версификации уже ничего не остаётся желать. Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лицее перещеголял всех писателей. Но позвольте: ведь мы с вами с одной стороны? Вы оренбурец и казанец, и я тоже; вы учились в казанской гимназии сначала и потом перешли в университет, и я тоже учился в казанской гимназии, а об университете тогда никто и не помышлял. Да мы с вами и соседи по оренбургским деревням... Моё село, Державино, ведь не с большим сто вёрст от имени вашего батюшки (сто вёрст считалось тогда соседством в Оренбургской губернии)...» Он завёл со мной довольно длинный разговор об Оренбургском крае, о тамошней природе, о Казани, о гимназии, университете

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66